

Содержание

Предисловие	7
1. Что есть человек – два ответа на один вопрос	14
1.1. Вторжение либерализма в традиционное общество	20
1.2. От эпохи Просвещения к сокрушительной победе либерализма в XX веке	26
1.2.1. Начало процесса отделения «света» от «тьмы»	26
1.2.2. Знание – сила, или «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаей»	34
1.2.3. «Конец истории»	40
1.2.3.1. Три версии «конца истории»	40
1.2.3.2. Who is Who?	43
1.2.3.3. Триумф либерализма	57
1.3. Неожиданное самовозгорание либерализма в XXI веке или пламенный привет от старика Гегеля	74
1.3.1. Противоречия, незамеченные либерализмом	74
1.3.2. Мифы, легенды и догмы либерализма	91
1.3.3. Оптимистическая катастрофа или карающий меч диалектики	127
1.3.3.1. Восхождение на вулкан или начало конца	129
1.3.3.2. Первые толчки	143
1.3.3.3. Спасайся, кто может!	151

2. Россия и либерализм	168
2.1. Первое нашествие либерализма	179
2.2. Второе нашествие либерализма	212
2.3. Россия после второго нашествия	222
2.3.1. «Money first, People second»	230
2.3.2. Закон №83	248
2.3.3. «Птенцы» Чубайса	267
3. Куда идем?	274
3.1. О любви	280
3.2. О любви к отечеству, верности и самобытности	302
3.3. О гуманизме, плюрализме, терпимости и толерантности	315
3.4. О деятельности	332
3.5. О детстве, семье и школе	359
Заключение	377

Предисловие

Прошло 20 лет с начала «шоковых реформ», радикально изменивших отношения в обществе и образ жизни людей, проживающих на 1/6 части суши земной поверхности. В отдельных случаях принудительно, а по большей части добровольно, эти люди покинули дорогу, по которой уверенно шагали до этого момента 70 лет и которую экономист Фридрих фон Хайек во время пожараща Второй мировой войны назвал «дорогой к рабству». Следуя логике Хайека, 20 лет назад советский народ, сойдя с «дороги к рабству», ступил, очевидно, на дорогу, ведущую к свободе, проложенную просвещенной Европой. Что же принесла эта дорога народам бывшего СССР?

Окидывая беспристрастным взглядом путь, пройденный за эти 20 лет, взвешенно оценивая достижения вновь образованных государств и населяющих их народов, можно определенно утверждать, что либо Хайек что-то напутал и что-то не учел в своей работе, ставшей классической, либо мы снова шагаем в неверном направлении. Почти 70 лет назад Хайек утверждал, что «раскрепощенный дух свободы», сбросившей оковы «тоталитарного рабства», тут же неумолимо примется приумножать национальное богатство, с невиданной скоростью приближая народы к счастью и процветанию. Ничего подобного мы не увидели. Да, 0,00001% населения РФ моментально приблизился к счастью из-за того, что овладел половиной и более всех богатств России (http://gazeta.aif.ru/_/online/longliver/87/05_01). В отношении этих граждан страны Хайек оказался прав. Но что остается остальным? И как быть с тем фактом, что, вопреки утверждениям Хайека о необычайном раскрепощении творческой мысли и созидательной энергии «в условиях подлинной свободы», освобожденный «предпринимательский дух»

в России, по непонятным причинам, фактически уничтожил высокоразвитый научно-технический потенциал бывшего СССР; дотла разорил и развалил реальное производство когда-то второй сверхдержавы мира, скромно довольствуясь при этом распродажей невосполнимых природных ресурсов, распоряжение которыми с начала «шоковых реформ» молниеносно перекечевало в его невидимые руки. Причем для подготовки к продаже этих ресурсов их новым владельцам не понадобилось даже ударять палец о палец — открытие, разработка месторождений, подвод коммуникаций, построение развитой инфраструктуры в суровых климатических условиях, проблемы отгрузки и транспортировки были полностью решены еще в советское время. Что же касается вклада в мировое развитие науки и техники, то доля сегодняшней России в общем объеме наукоемкой продукции мира за 20 лет снизилась в десятки раз. Судорожные потуги нынешнего российского руководства снова запустить механизмы инновативного развития страны, уйти от «сырьевого проклятия» и начать восстанавливать и развивать сектор реального производства, высокотехнологичные отрасли, пока безуспешны и ни к чему не привели, кроме неэффективного использования и откровенного разбазаривания огромных государственных средств.

Причин такого, мягко говоря, «неожиданного результата» реформ, конечно, много. К ним принадлежат и теоретические заблуждения самого Хайека, слишком уж идеализировавшего в свое время роль и свойства «спонтанного рыночного порядка» и полностью отказавшего самому человеку в праве построения справедливой, удобной для большинства членов общества экономики и социальной среды. Такую оценку учению Хайека, в частности, подтверждают уроки последнего мирового экономического кризиса, в результате которого лидерами развитых стран был предпринят ряд конкретных мер по ужесточению государственного контроля над деятельностью спекулятивно-финансового бизнеса. Те же руководители призвали мировое сообщество к активному вмешательству государств в распределение доходов крупного капитала с целью придания ему «человеческого лица». Но российские «реформаторы» построили

стратегию проведения своих реформ именно на этом, не выдержавшим проверки временем, оказавшимся ошибочным догмате нобелевского лауреата о невмешательстве государства в стихию свободного рынка, поэтому «достижениям» реформ не приходится особенно удивляться. Немаловажную роль в их провале сыграла также специфика менталитета народов России, заметно отличающая их, например, от тех же народов Европы. Но главная причина, по которой «шоковые реформы» положили начало затяжному, продолжающемуся и сегодня системному кризису в России, заключается, на наш взгляд, в том, что в России за это время произошла радикальная смена ценностей. Этой теме и посвящена книга.

Система ценностей, господствующая в государстве и обществе, несомненно, оказывает значительное влияние на состояние и качество тех скрепов-связей между людьми, которые и позволяют их крупные объединения называть обществом. Помимо этого, базовые ценности того или иного народа непосредственно определяют массовое сознание людей, преимущественное отношение их к тем или иным проблемам общества и отдельных его членов, формируют ментальность этих народов, расставляют их приоритеты. Поэтому вполне понятно, что радикальная смена базовых ценностей народа не может остаться незамеченной и пройти безболезненно; напротив, эта смена неизбежно обрушивает на общество огромный букет всевозможных кризисов, главным из которых является кризис национальной идентичности. Однако в сегодняшнем мире нет единого мнения по поводу того, считать ли потерю национальной идентичности за благо, относиться к ней как к неизбежности, сулящей где-то в отдаленной перспективе определенные преимущества, или же видеть в ней могильщика народов.

Наиболее остро проблема национального самосознания стоит сегодня перед народами России. Ученые-социологи оценивают современное состояние самоидентификации русского народа как критическое:

«...ни в одной стране мира не происходило столь стремительного и бесповоротного разрушения традиционного общества, как в России в XX веке; особенно это касается

самых национальных основ жизни. И нынешние поколения русских едва ли не столь же далеки от своих культурных корней, как современные греки от великой Древней Греции».

Но хорошо это или плохо, оказаться очень далеким от своих корней в эпоху бурных перемен, взрывного роста коммуникаций на всех уровнях, в век глобализации и невиданного научно-технического прогресса? Быть может, лучше выработать какие-то универсальные ценности общего применения и повсеместно распространить их в мире, чтобы облегчить народам и их представителям контакты друг с другом, создать единые для всех структуры управления и развития общества, чем постоянно сталкиваться с проблемами нестыковок разных наборов ценностей? Как в целом скажется на мировом обществе и на каждом народе в отдельности внедрение в мировом масштабе стандартного набора ценностей? Как изменится нравственный климат этих обществ? Смогут ли люди из разных уголков земли стать равноправными гражданами мира? И, вообще, какое будущее ожидает народы мира в случае сведения их всех в единую гомогенную человеческую цивилизацию?

К сожалению, получить ответы на эти вопросы в строго очерченных рамках научного знания не представляется возможным по той простой причине, что все эти вопросы и ответы на них предусматривают учет не только психологического фактора, но и целого ряда нравственных категорий, таких как любовь, сострадание, милосердие, совесть, честность, правдивость, скромность, которыми наука вообще не оперирует. Помимо этого, наука, как правило, исследуя то или иное явление, описывая его структуру и свойства, ограничивается определением его утилитарной, практической значимости для человека. Этическую сторону проблемы использования собственных открытий сама наука никогда не рассматривала и не относила к объекту своих исследований. Таким образом, наука, отвечая на частный вопрос — полезно или бесполезно изучаемое ею явление, в принципе не может ответить на самый общий вопрос — хорошо это или плохо, с которым в свое время блестяще справился крошка-сын с папиной помощью в известном стихке поэта Маяковского.

Наиболее близкой к заявленной теме книги наукой является аксиология — наука о ценностях. Как следует из самого названия этой науки, непосредственным объектом ее исследования как раз и являются ценности. Но, опять-таки, эта наука, погружаясь в мир ценностей, исследуя их природу, структуру и взаимосвязи, практически не занимается вопросами изучения непосредственного влияния конкретного ценностного ряда на тот или иной народ. Из этого следует, что ключевой вопрос ценностной проблематики — как может сказаться тот или иной набор базовых ценностей на образе жизни, поведенческих стереотипах, социальных связях и нравственных установках определенного народа и отдельных людей — в рамках научного знания остается без ответа.

Перечисленные выше проблемы имеют огромное значение для любого общества, т.к. в конечном счете именно от вариантов их решения зависит отношение людей и целых народов к окружающей их действительности, что, в свою очередь, во многом определяет направление стратегического развития страны. Поэтому заявленные нами вопросы требуют ответа вне зависимости от того, способна ли нам помочь в этом важном деле современная наука или нет. Первостепенное значение имеют эти вопросы и получение вразумительных ответов на них для русского народа, для которого XX век оказался веком смуты, разлада и глубочайших потрясений. Какой набор ценностей мог бы стать для русских людей в XXI веке оптимальным, гарантирующим по крайней мере на ближайшее столетие мир и согласие, и одновременно исключаяющим любую возможность новых потрясений? Поиск доходчивого и убедительного ответа на этот вопрос и будет являться целью нашей работы. Цель определена, но с помощью каких подходов и методов, кроме научных, мы сможем ее достичь?

К счастью, помимо чисто научного знания, человечество располагает и другими типами знаний. К ним относятся традиционное знание, жизненный практический опыт, обычный житейский здравый смысл с его представлениями о добре и зле, справедливом и должном. Именно с их помощью мы и попытаемся ответить в этой книге на поставленные нами воп-

росы, разумеется, подкрепляя наши доводы привлечением как обширной доказательной базы, включающей выдержки из работ классиков философии, экономики и социологии, так и основываясь на собственных наблюдениях и опыте.

Как уже было сказано выше, человечество пока еще не ответило на вопрос, существует ли в природе некий универсальный набор общечеловеческих ценностей, который смог бы явиться полноценной заменой существующему сегодня многообразию традиционных национальных ценностей народов мира. Не исключено, что такого устраивающего всех комплекта ценностей вообще быть не может, и мечты отдельных представителей рода человеческого о возможности синтеза стандартной системы ценностей относятся к разряду утопий. И все же, несмотря на задержку с получением ясного, недвусмысленного ответа на этот вопрос, в мире уже нашелся соискатель, претендующий на занятие трона в мировом царстве ценностей. Мы имеем в виду либерализм и сопутствующие ему ценности. В 1992 году Френсис Фукуяма опубликовал книгу под названием «Конец истории и последний человек». В ней утверждается, что в мире уже состоялся консенсус по поводу признания либеральной идеологии, а, значит, и соответствующей ей системы ценностей, де-факто главенствующей во всем мире, как проверенной временем и лишённой фундаментальных внутренних противоречий.

Однако тот же Фукуяма, на страницах все той же книги приводит многочисленные примеры противоречий либеральной системы ценностей, которые внимательному читателю красноречиво говорят о том, что автором этой книги многое желаемое выдается за действительное. Либеральная система ценностей и основанное на них либеральное мировоззрение, на наш взгляд, весьма далеки от того идеала, который им приписывается Фукуямой и многими другими авторами. Поэтому, помимо ответов на вышеупомянутые вопросы, одной из целей данной книги является выявление тщательно затушевываемых апологетами либеральной идеологии ее недостатков и противоречий, которые могут негативно влиять на социально-экономическое и политическое развитие общества.

Книга состоит из трех частей, которые выстроены в соответствии с гегелевской триадой: тезис — антитезис — синтез. Соответственно, в первой части рассматривается либерализм и либеральное мировоззрение как мировое явление с главными этапами его становления и развития; дается краткая характеристика его основных видов и направлений; подробней рассматривается последняя версия либерализма — неолиберализм. Во второй части книги на примере двух вторжений либеральных ценностей в российское общество показан комплекс проблем, противоречий и негативных последствий, с которыми неизбежно сталкивается народ при попытке революционной смены собственных традиционных ценностей на заимствованные. В третьей части книги приводится возможный вариант основного набора ценностей для русского народа, имеющий решающее значение для преодоления кризиса национальной идентичности и формирования у большинства людей устойчивых мировоззренческих установок, способных сплотить сегодняшнее предельно разобщенное русское общество. Обоснование предложенного набора ценностей базируется на материале первых двух частей.

1. Что есть человек — два ответа на один вопрос

Январь 2010 года, передача «Клинч» на радиостанции «Эхо Москвы». В студию приглашен некто А. Никонов, который до того удивительным образом получил практически неограниченный доступ к ведущим российским СМИ для пропагандирования своей новой идеи. Идея эта звучала убийственно просто: предлагалось родителей, имеющих детей-инвалидов, наделить правом лишения таких детей жизни, с оговоркой, что речь идет о тяжелых и на данный момент неизлечимых недугах. По итогам дискуссии, в пользу такого государственного установления высказалось 26% слушателей программы, 33% было против, остальные не определились с ответом.

Спустя две недели на этой же студии произошла другая дискуссия, темой которой был вопрос — допустимо ли в эфире широкое обсуждение любых проблем общества, или же общество должно установить определенные ограничения на публичные дискуссии по некоторым из них, полностью передоверив их изучение и решение по ним узкому кругу специалистов. В ходе жаркого спора в студии выяснилось, что в результате громогласного обсуждения в российских СМИ заглавной темы предыдущей передачи произошел трагический случай — женщина, воспитывавшая ребенка-инвалида, покончила с собой после того, как ее словоохотливая соседка поведала ей содержание ведущейся в СМИ полемики. В итоговом голосовании этой передачи голоса слушателей разделились примерно пополам.

Характерной особенностью обеих передач было то, что позиция противоборствующих сторон была бескомпромиссно-непримиримой на протяжении всего времени обсуждения, до самых последних минут. Не наблюдалось даже

малейшего сближения позиций обеих сторон. То же самое повторилось и в комментариях слушателей по этим темам на интернетовском форуме радиостанции. Было очевидно, что, несмотря на свободную атмосферу дискуссии, возможность плыть по волнам высказываемых мнений в любом направлении, спорщики на самом деле стоят как бы на могучих подводных скалах, которые не позволяют им сдвинуться с места ни на йоту в сторону сближения с позицией противной стороны.

Аргументация этих двух четко оформившихся в ходе дискуссии групп в общем случае выглядела следующим образом.

Группа «против ограничений»: запретных тем не должно быть, СМИ должны иметь неограниченное право предоставления трибуны кому угодно, хоть фашисту, хоть мажнюку-извращенцу, для возможности свободного изложения любых проблем и мнений, а общество, в свою очередь, должно решать, что хорошо, а что плохо. Ничем и никем не ограниченный свободный обмен мнениями есть важнейшее условие гармоничного развития общества.

Группа «за ограничения»: СМИ не должны иметь права ведения в эфире открытых дискуссий на такие темы, как, например, наркомания, педофилия, торговля человеческими органами и т.п., если эти дискуссии предусматривают предоставление слова для изложения своей позиции сторонникам или представителям этих антиобщественных явлений. Немалое число приверженцев группы «за» предлагало ввести государственный контроль над соблюдением ограничений на публичное обсуждение подобных тем в виде старой доброй цензуры, деятельность которой также, по замыслу этих корреспондентов, направлялась бы исключительно на благо развития общества.

При чтении комментариев, поступивших от представителей первой группы, невольно на ум приходил образ доктора Фауста с его пламенной страстью к овладению истинным, до самой последней крупинки, знанием, за которое он был готов продать свою бессмертную душу дьяволу. Во всех откликах, поступивших от этой группы, явно присутствовала неутоленная жажда героя Гете.

Противоборствующая сторона, в отличие от любознательного доктора Фауста, заключившего сделку с Сатаной, даже не пыталась ставить вопрос «а почему, собственно, нельзя?». Эта группа слушателей явно не желала обращаться к «магии знания», чтобы «явившийся дух» открыл им «тайну бытия».

Один из участников форума, представитель этой группы, высказался так:

«Нельзя читать чужие письма! Почему? Да нипочему. Нельзя и все. Нельзя убивать! Почему? А нипочему. Нельзя и все. Нельзя никем жертвовать! Почему? А нипочему. Нельзя и все».

После ознакомления с категорически непримиримыми позициями дискутирующих сторон неизбежно возникал вопрос — откуда в одной группе наших современников взялась эта яркая убежденность в том, что для пытливого человеческого ума не должно существовать никаких запретов, что он имеет право и должен познать «все тайны мироздания», на все вопросы найти рациональные ответы, диктуемые разумом и выгодой; а в другой группе наших же современников вдруг явно проступает непоколебимая вера в то, что есть в этой жизни святыне, неприкосновенные понятия, своего рода табу, которые нельзя измерять в сугубо научных категориях «чистого разума», которые не подлежат никаким обсуждениям и которые, как неизменяемая, вечная данность, существуют сегодня и существовали всегда.

Мои поиски ответа на этот вопрос оказались недолгими, и вот он, перед вами.

Те скалы, на которых стояли спорщики, огромны, монолитны и неподвижны, и им не дано ни сойтись ни даже приблизиться друг к другу хотя бы чуть-чуть. Эти скалы представляют собой две непримиримые мировоззренческие системы, которые сложились на протяжении многих веков существования человеческого общества и которые лежат в основе большинства прошлых, нынешних и будущих проблем и конфликтов человечества.

Первая, старейшая из этих двух мировоззренческих систем, насчитывающая тысячелетия своего существования — это традиционная, или консервативная система, по которой

жизнь каждого человека безоговорочно признается священным даром Создателя. Человек в этой системе является творением Бога, созданным по его образу и подобию. Эта система устанавливает незыблемые нравственные ценности, в том числе и неотъемлемое право любого человека на жизнь и счастье, которое может быть достигнуто только в результате постоянного духовного труда, согласного божьему Завету. Человек объявляется этой системой венцом творения, центром вселенной и только в нем самом, в совершенствовании его внутренней природы, его души, находится ключ к достижению счастья и гармонического развития всего человеческого общества. Традиционное мировоззрение требует неразрывности общества — с одной стороны, оно обязывает каждого члена общества непрерывно и индивидуально бороться с собственными слабостями и грехом, с другой стороны оно призывает всех членов общества ежедневными совместными усилиями стремиться к духовному совершенству, в добровольно-принудительном порядке увлекая за собой и заблудшие души.

Вторая мировоззренческая система — либеральная, насчитывает всего несколько сотен лет. Эта система утверждает исключительно материальную природу человека и видит в нем всего лишь одну из многочисленных форм жизни, существующих на земле. «Люди, как и их братья-животные — дети нашей матери-природы». Соответственно, ключ к решению всех проблем человека эта система видит в изучении и изменении окружающей его среды так и таким образом, чтобы он смог полностью реализовать данные ему природой индивидуальные силы и возможности для обеспечения себя комфортными условиями обитания. Точно также с рациональной точки зрения либерализмом рассматривается и само сообщество людей. Поэтому либеральная система, как правило, обращается к человеку индивидуально, имея в виду то обстоятельство, что разные люди изначально наделены природой разными способностями. Соответственно, люди различных способностей объективно имеют неодинаковые шансы на счастье и благополучие в этой жизни, что предопределено уже с момента их рождения. Снять все ограничения, способные помешать

самореализации богато одаренных индивидуумов, — вот цель, к которой должно стремиться человечество в поисках единой, универсальной, рационально выстроенной системы правовых, социально-экономических и прочих отношений в обществе.

Даже из этих далеко не полных определений следует, что, хотя обе системы в конечном счете, декларируют одну и ту же цель — гармонично развитое, счастливое человеческое общество, но пути достижения этой цели у систем совершенно разные. Больше того, первая мировоззренческая система является полным отрицанием второй, и наоборот, поскольку стремление к идеалам духовного совершенства абсолютно несовместимо с расчетливым рационализмом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что нашим соотечественникам в ходе их жаркой дискуссии так и не удалось найти точек соприкосновения и тем более взаимопонимания, точно так же, как их не удавалось найти представителям традиционализма и либерализма на протяжении нескольких последних веков. В этом смысле, начиная с нового времени (XVII век), вполне допустимо представлять историю развития человеческого общества, как историю состязания и даже борьбы двух основополагающих идей, двух философско-мировоззренческих систем — традиционной и сравнительно новой — либеральной.

Как уже было сказано в предисловии, мировоззренческие установки и связанный с ними определенный набор ценностей в определенной мере ответственны за поведение человека и оказывают несомненное влияние на его реакции и выбор решений. Там же было отмечено, что проблема определения различий поведенческих стереотипов конкретного человека в зависимости от его мировоззренческих установок представляет собой очень сложную и трудно поддающуюся изучению, анализу и решению задачу. Какое влияние оказывает тот или иной набор ценностей, связанных с определенной мировоззренческой системой, на образ жизни и мыслей, на совершаемые человеком поступки? Почему сознание одних людей воспринимает любую человеческую жизнь как высшую ценность, святыню, насилие над которой является ничем не оправданным преступлени-

ем, святотатством? И почему сознание других людей позволяет рассматривать судьбы и жизни их сородичей в категориях «нужно — ненужно», «полезно — бесполезно»? И вообще, по какому праву вторая группа людей берет на себя смелость решать и утверждать, что кто-то из окружающих их людей достоин жизни, а кто-то нет?

В традиционной мировоззренческой системе обычный человек, обыватель был категорически лишен права решать вопросы жизни и смерти, даже если речь шла о его собственной жизни. Этим правом в традиционализме обладал только Господь Бог, а из смертных — только помазанник божий. Появившийся пару столетий назад либерализм, отказавшись от многих ценностей традиционализма, нарушил и это табу, наделив и обычного человека в определенных обстоятельствах правом распоряжаться судьбами и даже жизнями других людей. Так что же такое есть этот либерализм? Где, как, посредством каких тонких инструментов, с помощью каких коварных ухищрений ему удалось убедить очень многих представителей рода человеческого, что они вправе распоряжаться другими жизнями, или, по крайней мере, оставаться совершенно равнодушными к чужим бедам и горю? Какие ценности и каким образом либерализм сумел внедрить в массовое сознание миллионов людей, что многие из них стали преследовать в своей жизни совсем другие цели, чем те, которые преследовали их родители; почему их поступками вдруг стали двигать совершенно иные мотивы? Ответы на эти вопросы для нас важны хотя бы потому, что экспансия либерализма, успешно продолжавшаяся весь XX век, продолжается и теперь. Чтобы дать достоверную оценку такому сложному, многообразному, порой противоречивому явлению, как либерализм, выявить явные и скрытые механизмы его влияния на основные мотивы поведения человека, нам нужно как можно глубже погрузиться в целый комплекс морально-этических, культурно-исторических, социально-экономических, и, наконец, политических норм, установлению которых человечество обязано либерализму. А для этого нам придется с головой окунуться в историю его возникновения и развития, рассмотреть его внутреннее строение, составные части, его главные виды, а также подвиды. И самое главное — мы должны по возможности

точнее определить те следствия, те результаты воздействия либерализма и присущих ему ценностей на человеческое общество, которые способны изменить отношения в обществе, укрепить или ослабить социальные связи в нем, существенно преобразить моральный климат. И, наконец, мы должны ответить на вопрос — либерализм такой, какой он сегодня есть, это хорошо или плохо?

1.1. Вторжение либерализма в традиционное общество

На протяжении всей истории своего существования, в самых изолированных, далеких от исторических цивилизаций племенах и народах, включая самые малочисленные, человеческое общество никогда не было стадом диких животных — человек всегда жаждал найти идею для оправдания своего существования, всегда нуждался в обладании законченной картиной мира, опирающейся на логично выстроенное, неразрывное мировоззрение. Эту жажду овладения «тайной мироздания» он удовлетворял созданием различных мифологических, этических, философских, религиозных систем, которые призваны были, во-первых, доступно объяснять происхождение природы и самого человека, а во-вторых устанавливали бы определенные правила, способные регулировать отношения в обществе самих людей. Невозможно себе представить человеческое общество, даже самое примитивное, без существования общей для всех мировоззренческой системы. Другими словами, наличие такой целостной мировоззренческой системы является необходимым условием существования любого сообщества людей. Это правило действительно и для первобытного общества, с его тотемизмом и поклонением духам огня, воды и прочих сил природы, это же правило сохраняется и для поздних, более сложных по структуре и строению человеческих обществ. Более того, в поздних, высокоразвитых государствах с жестко действу-

ющей централизованной системой власти актуальность обладания государством и его подданными единой, общепризнанной мировоззренческой платформой неизменно повышается.

До появления на международной арене в XVI–XVII веках либерализма в качестве реально действующей идейно-политической силы в мире монопольно властвовала традиционная мировоззренческая система, корнями уходящая в традиционные мифологически-религиозные представления разных народов о себе и об окружающем их мире.

Как правило, каждый народ располагал своим собственным пантеоном богов и святых, но общим местом практически всех верований и религий был миф о божественном происхождении человека. Зороастризм, например, утверждает, что человек создан святейшим божеством Ормуздом, олицетворяющим светлое начало мира; в христианстве, иудаизме, исламе человек также является произведением Творца, создателя всего сущего. От начала человек был создан Богом как свободное существо, но, злоупотребив своей свободой, человек поддавался соблазну, и, обладая свободой выбора, он выбрал путь, противный воле Бога. Совершив первое грехопадение, человек стал рабом своих желаний и, таким образом добровольно отказавшись от Завета Бога, потерял свою свободу и счастье. Спасение человека, т.е. возврат к счастью и свободе может состояться опять-таки только по его воле, и только в случае, если он искренне раскается в совершенном грехе и вернется на путь, указанный Богом в его Откровениях. Однако обретение совершенного и вечного счастья человек, как правило, мог достичь только после своей физической смерти — на небесах.

Разумеется, практически во всех формах человеческого общества, основанных на традиционном представлении о мире, неизбежно возникала особая каста, т.е. группа соплеменников, которая всеми доступными средствами присваивала себе монопольное право общения с высшими духами и богами. Попутно эта группа развивала и укрепляла в сознании своих современников господствующую в данном обществе картину мира. Эти медиумы — шаманы, жрецы, священники — неизменно удаивались особого положения и особых почестей во всех традиционных обществах, они

пользовались непререкаемым авторитетом, их слово приобретало силу закона.

Одновременно в традиционном обществе почти всегда существовали люди или группы людей, которые не без оснований сомневались в правомерности занятия медиумами их высокого положения. Будучи последовательными, эти люди не слишком доверяли и декларируемой медиумами картине мира, соответствующему ей жизнеустройству. В результате возникали оппозиционные настроения, крамольные мысли и идеи, в которых критиковался существующий порядок вещей и осторожно предлагались другие правила организации человеческого общества, основанные на иных представлениях о мироздании.

Достаточно вспомнить древнеегипетскую «Песнь арфиста», взгляды на устройство Вселенной древнегреческих философов — Гераклита, Демокрита, Эпикура, чтобы согласиться с утверждением, что инакомыслие, противостоящее официальному традиционному мировоззрению, существовало всегда, с самой глубокой древности. Оно, как правило, обращалось к каждому слушателю индивидуально, и в конечном счете, отталкиваясь от отрицания загробной жизни, идеализма, переходя на позиции материализма, сводилось к хорошо известному нашим современникам призыву — бери от жизни все, что можешь. «Пируй себе в удовольствие, пока жизнь твоя длится» — «Песнь арфиста», «лови день» — Эпикур, *Carpe diem* — «хватай день» — Гораций. Это отношение к жизни коренным образом противоречило традиционной системе ценностей, которая всегда определенным образом ограничивала человека в его устремлениях к наслаждениям жизни, угрожая особенно легкомысленным Страшным судом.

«Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд».

Екклесиаст, 11-9

Очевидно, что инакомыслие Античности и Средних веков не сводилось только к призыву «ешь, пей, веселись». В

Конец ознакомительного
фрагмента.

Приобрести книгу можно
на издательском сайте